

*А. Н. Терентьева**

Курляндский И. А. Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.). — СПб.: Полиграф, 2019. — 376 с.

A. N. Terenteva

Kurlyandsky I. A. Power and religious organizations in the USSR (1939–1953). — St. Petersburg: Polygraph Publ., 2019. — 376 p.

В последние десятилетия вопросы взаимоотношений государства и религиозных организаций в России занимают все большее место в работах ведущих отечественных историков, религиоведов, политологов, социологов и теологов. Подобная проблематика становится специализированным предметным полем современной исторической науки, что обусловлено ее актуальностью в условиях десекуляризации общественно-политических процессов в современной России.

Рецензируемая монография старшего научного сотрудника Института российской истории РАН, кандидата исторических наук Игоря Александровича Курляндского посвящена малоизученным вопросам отношений власти с религиозными организациями в 1939–1953 гг. В работе читателю представлены два исторических очерка — «Религиозные организации» и «Верующие в СССР накануне Великой Отечественной войны (1939–1941 гг.)». Эта работа является продолжением исследований И. А. Курлянского, результаты которых изложены в его в книге «Сталин. Власть. Религия (религиозный и церковный факторы во внутренней политике советского государства в 1922–1953 гг.)», где большое внимание уделено роли и личности И. В. Сталина как многолетнего лидера советского государства, оказавшего решающее влияние на выработку советской конфессиональной политики на разных исторических этапах. Автор, стремясь строго следовать принципам объективности и историзма, не претендует на исчерпывающую полноту раскрытия темы государственно-конфессиональных отношений в СССР в 1939–1953 гг.

* Терентьева Анна Николаевна, аспирант кафедры русской церковной истории и канонического права, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет; anna.terenteva.94@mail.ru

Работа Курляндского состоит из введения, двух основных глав (очерков). Примечательно, что в книге отсутствует заключение. Вместо него автором представлены заметки о сталинской политике в отношении религиозных организаций в 1939–1953 гг. Прилагаются библиография и именные указатели.

В начале монографии автор заявляет, что одной из главных задач работы он видит необходимость раскрыть проблему внутривластного измерения отношений власти и религиозных организаций в 1939–1953 гг., поясняя, что ранее в историографии преимущественно изучался вопрос внешнеполитического использования государством Русской Православной Церкви (РПЦ) и религиозных объединений других конфессий (с. 11). Масштабность объема исследования, по его мнению, заключается в многоплановости и разноуровневости взаимодействия структур РПЦ (на уровне приход — епархия — Патриархия) с властями.

Следует отметить, что начало изучения церковно-государственных отношений в СССР приходится на начало 1990-х — 2000-е гг. В это время были проведены серьезные исследования в области взаимоотношений власти и православного духовенства, научно обоснована и структурирована периодизация советской религиозной политики, что позволило проследить специфику и направленность политики советской власти в отношении РПЦ. В этом контексте автор критически осмысляет вышедшие в 1990–2000-е гг. работы В. А. Алексеева [1; 3], М. И. Одинцова [8], О. Ю. Васильевой [5], М. В. Шкаровского [10] и др., анализируя на основе их исследований разные подходы к пониманию причин поворота советского государства «навстречу» религии.

Проводя анализ некоторых работ, Курляндский отмечает не только заслуги, но и высказывает критическое замечание о представлении фальшивых документов, которые умышленно выдавались за подлинные [2, с. 10]. Также в трудах О. Ю. Васильевой автор не находит достаточных оснований для высказывания тезисов о «золотом десятилетии» для Русской Церкви. По мнению автора, это положение звучит не только парадоксально, но и несостоятельно в историческом отношении.

В ходе анализа ранее опубликованных исследований Курляндский отмечает, что особое внимание историки обращали на деятельность РПЦ в годы Великой Отечественной войны (ВОВ). Исследователями были определены ключевые направления деятельности православного духовенства, объем благотворительной помощи со стороны духовенства и верующих РПЦ в годы войны. При этом многие оценивают деятельность Церкви положительно, характеризуя ее как патриотическую. Однако рассматривая монографию М. И. Одинцова и А. С. Кочетовой [9], Курляндский остро подмечает, что книга содержит несоответствующие действительности положения, в которых говорится о благосклонном отношении властей к взаимодействию верующих и священнослужителей с военнослужащими в начальный период ВОВ.

Одной из задач, которые перед собой ставит Курляндский в монографии, является анализ религиозной политики советской власти в отношении христианских организаций, действовавших на территории страны.

Автор рассматривает вопросы, связанные с антицерковной политикой советских властных институтов, выясняя специфику конфессиональной ситуации,

показывая условия осуществления вероисповедальной практики. Благодаря этому Курляндскому удается представить на суд читателя комплексную модель государственно-конфессиональных отношений, в которой функционировали и взаимодействовали с государством различные религиозные объединения.

На основе исследования архивных источников автор пришел к выводу, что советская конфессиональная политика в отношении христианских организаций характеризовалась относительной противоречивостью — с «либерального поворота» при И. В. Сталине до «политического экстремизма» при Н. С. Хрущеве.

Важно отметить, что И. А. Курляндский начинает свою работу с обсуждения религиозной жизни в стране накануне Великой Отечественной войны, показывая на примерах, что власть в 1939–1941 гг. так и не сделала ощутимых шагов навстречу религиозным организациям и продолжила антирелигиозные гонения. Как справедливо отмечает автор, в идеологической работе партийных и общественных организаций по-прежнему ставилась задача создания «безрелигиозного общества».

Осмывая архивные материалы, автор делает вывод об отрывочности и приблизительности сохранившихся учетных сведений, отражающих динамику процесса сокращения религиозной сети в довоенные годы. В соответствии с имеющимися данными, в 1938 г. насчитывалось 8302 православных объединения, а в 1940 г. — 8296. Из этого числа реально действующей была только треть общин. Например, в РСФСР в 25 областях не имелось ни одного действующего храма, в 20 — от одного до пяти. На Украине — в Винницкой, Кировоградской, Донецкой, Николаевской, Сумской, Хмельницкой областях — были закрыты все православные церкви. По одной действовало в Ворошиловградской, Полтавской и Харьковской областях [7]. Накануне Великой Отечественной войны казалось, что правящая партия близка к достижению провозглашенной в области религиозных отношений цели — к «бесцерковным» и «безбожным» деревням, поселкам и городам.

Однако в первые же месяцы ВОВ выявилась пагубность сформировавшейся в 30-х гг. государственной политики в отношении религии и церкви. Иллюзии успешного и повсеместного «преодоления» религии, победы «безбожного движения» рассеялись, уступив правде жизни — в стране насчитывались миллионы верующих, которые были несправедливо ограничены в возможности свободно и открыто удовлетворять свои религиозные потребности. Тем не менее, несмотря на духовную несвободу, религиозные центры, духовенство, верующие поддержали освободительную борьбу народов СССР против агрессора. Чувство патриотизма оказалось сильнее обид. В годы войны церковь выполнила свою миссию, хотя и была обескровлена в довоенное время.

Вторая глава посвящена диалектике развития сталинской политики в отношении открытия и закрытия церквей в 1941–1953 гг. Церковное возрождение в годы ВОВ шло снизу вверх — от народа к власти. При этом с началом войны советская власть начинает видеть в церкви крайне выгодного политического союзника, который способен поднять боевой дух солдат и упрочить ее авторитет, как в их глазах, так и в глазах зарубежных союзников. Государством проводится политика по открытию и восстановлению церквей, осуществляется публикация многих религиозных посланий. Происходит увеличение количе-

ства новых приходов за счет массовой легализации подпольных церковных общин [4, с. 123–159].

Начиная свой второй очерк, автор подчеркивает, что процедура открытия церквей была достаточно сложна. Приводя достаточное количество примеров по открытию храмов, он называет эти церковные процессы в условиях войны словами историка С. Майнера — «возрождение в рамках дозволенного» [6, с. 114].

В период с конца 1941 г. до конца 1942 г. приходы РПЦ открываются в самых различных областях СССР. Церковно- и священнослужители военного периода — это люди, которые до войны занимали различные общественные посты, но после открытия храмов, оставив свои должности, последовали за Христом, что пусть и не находило у власти поддержки, однако не становилось табуированно запретным путем развития советского человека.

В работах С. М. Майнера миеется мнение о том, что в планах Сталина было создать в виде РПЦ «Второй Ватикан», который постепенно мог бы стать оплотом веры для стран, поддерживающих СССР. Вплоть до окончания военных действий в стране продолжалось восстановление храмов, деятельность церковно- и священнослужителей перестала представляться массовой пропагандой как антисоветская. В подтверждение этому Курляндский приводит конкретные сведения из ряда областей Советского Союза. И тут же замечает, что весь порядок открытия церквей и сложившаяся в ходе его реализации система отношений между властью и церковью были «настоящим обманом со стороны Сталина» (с. 150): властные институты на местном уровне продолжали всеми возможными методами препятствовать восстановлению религиозной жизни советских граждан. В поддержку этого тезиса в книге автором цитируются выдержки отчетов уполномоченных по областям и регионам.

Уже к концу 1940-х гг. советское руководство снова меняет «милость на гнев», начиная уделять более пристальное внимание атеистической пропаганде, масштабы которой во время войны и в первые послевоенные годы значительно уменьшились: понятия «антирелигиозная» или «атеистическая» работа в этот период практически не употреблялись. Реанимирование секулярной политики справедливо связывают с деятельностью главного идеолога страны, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, решившего сделать акцент на атеистическом воспитании советской молодежи.

В сентябре 1948 г. был разработан проект постановления ЦК КПСС «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды», в котором выносилась однозначно негативная оценка деятельности Совета по делам РПЦ и его уполномоченных. Аппарат председателя Совета Карпова обвинялся в излишней лояльности к церковным организациям, за пассивность критиковались комсомольские организации, средства массовой информации, партийные органы. Как отмечали авторы постановления, «некоторые члены партии из факта победы социализма и господства социалистической идеологии в нашей стране сделали ошибочный вывод, что теперь можно не вести антирелигиозную пропаганду и что религия будет отмирать сама собой».

Одним из весьма существенных аспектов атеистической пропаганды являлось включение антирелигиозных идей в школьную программу. Начиная

с 1947 г. и вплоть до смерти Сталина в церковно-государственных отношениях продолжала проводиться политика постепенного ограничения влияния Церкви. Потому автор характеризует последствия сталинской церковной политики как задавленное возрождение.

Как видно из анализа научного дискурса Курляндского, чтобы избежать крайностей и поверхностных оценок со стороны участников церковно-государственного и церковно-общественного диалога, способных повлечь за собой в дальнейшем негативные последствия, автор в своей книге заканчивает проведение чрезвычайно актуального, глубокого и всестороннего исследования государственной религиозной политики как в дореволюционной России, так и в СССР, осуществляет объективное и даже критическое изучение внутренней жизни и внешнеполитической деятельности Русской Православной Церкви в условиях самодержавного государства и советской тоталитарной системы.

Однако необходимо отметить с большим сожалением, что автор значительно меньше внимания обращает на государственно-церковные отношения послевоенного десятилетия и периода власти Н. С. Хрущева, что осложняет комплексное построение предложенной им модели понимания церковно-государственных отношений. Усиление его исследования анализом элементов хрущевской антиклерикальной политики, возможно, позволило бы аргументированно развенчать спорный тезис отечественных историков о кардинальной перемене религиозного курса советского государства с приходом к власти Н. С. Хрущева, обосновать, что Хрущев не начинал путь от перемирия к «новой войне», а лишь продолжил то, что ранее уже начал Сталин. Ведь стратегическая линия у Сталина и Хрущева была одна — будущего у религии быть не должно.

Несмотря на эти значительные недочеты, исследование Курляндского «Власть и религиозные организации в СССР (1939–1953 гг.)» не только существенно восполняет пробел в церковной истории, но и позволяет с научной точки зрения объективно оценить церковно-государственные отношения и правовой статус Церкви и религии. Кроме содержательного исследования, читатель находит в книге очень живой и образный язык, придающий работе яркость и убедительность.

Все это делает книгу не просто востребованной в академическом пространстве церковной истории, а воистину фундаментальной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев В. А. Иллюзии и догмы. — М.: Политиздат, 1991. — 400 с.
2. Алексеев В. А. Тернистый путь к живому диалогу (из истории церковно-государственных отношений в 30–50-е гг.). — М., 1999.
3. Алексеев В. А. «Штурм небес» отменяется? Критические очерки по истории борьбы с религией в СССР. — М.: Россия молодая, 1992. — 299 с.
4. Беглов А. Ю. в поисках безгрешных катакомб. Церковное подполье в СССР. — М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, «Арефа», 2008. — 352 с.
5. Васильева О. Ю. Государство и деятельность Русской Православной Церкви в период Великой Отечественной Войны. — М., 1990.

6. Майнер С. М. Сталинская священная война. Религия, национализм и союзническая политика. 1941–1945. — М.: РОССПЭН, 2010. — 455 с.
7. Одинцов М. И. Вероисповедная политика советского государства в 1939–1958 гг. // Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2003. — С. 5–56.
8. Одинцов М. И. Государство и церковь: История взаимоотношений, 1917–1938 гг. — М.: Знание, 1991. — 63 с.
9. Одинцов М. И., Кочетова А. С. Конфессиональная политика в Советском Союзе в годы Великой Отечественной войны. — М.: РОССПЭН, 2014. — 317 с.
10. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь и религиозная политика советского государства в 1943–1964 годах. — СПб., 1995. — 216 с.